

"НЕНАВЯЗЧИВАЯ СОВЕСТЬ ЭПОХИ" ПАМЯТИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

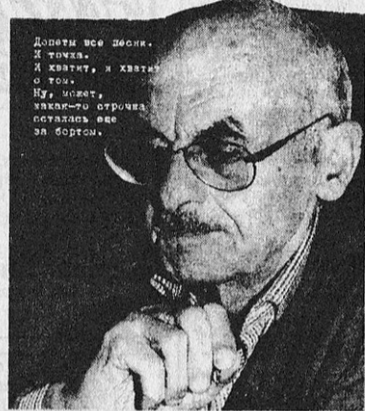
ПОМНЮ старенький, многократно перепаянный физматовскими умельцами катушечный магнитофон с выступающими наружу механическими внутренностями в комнате общежития нашего пединститута на улице Ленина, из которого звучит неприятный мелодичный напев под негромкий перебор гитарных струн и застывшие в молчании лица моих сокурсников, привороженные к этим мотивам, и необычной интонацией отнюдь не с вокальными данными мужского голоса, но с доходящими до самого сердца словами, обращенными именно к тебе: "Вы слышите, грохочут сапоги..."

Конец шестидесятых. Уже давно не только с центральной площади, но даже из привокзального сквера исчезло так долго не хотевшее уходить белое скульптурное изваяние уже развенчанного "великого и мудрого вождя", как призрак былого олицетворения несправедливостей. Еще свежи были в памяти строки тогда уже известного молодого поэта Е. Евтушенко, напечатанные на первой полосе "Правды": "Когда выносили его из дверей Мавзолея". Мы все по инерции еще жили прошедшим ожиданием перемен, которые, как это с неотвратимостью становилось ясно, так и не произошли. А тогда...

Был конец шестидесятых. Жизнь студенческого города во всех его многообразных проявлениях была ключом, давая не только пищу для размышлений, но и ставя вопросы, на которые мы пытались искренне, хотя иногда и наивно, ответить, как, например, в бесшабашных сражениях клуба веселых и находчивых на сцене актового зала нашей "альма матер", когда весь город за неделю уже знал об этом, и пробиться в зал к началу выхода команд не представлялось возможным, ибо занимать места начинали с утра. Здесь, на сцене, перед такой же, как и мы, молодой аудиторией, все чувствовали себя способными решить все проблемы, развалить отжившее и отстоять новое, позволяя себе порой такое, что в другом месте и на иных подмостках нам никогда не простили бы. Наши научные жизненные наставники и судьи в одном лице долго давали нам поиграть и прощали наши шалости, которые иногда переходили грань, которую изза юношеского максимализма мы не всегда признавали, вроде "безобидных" реплик "генсек" или названия газеты "Манюки диманш" (пародируя орган французской компартии "Юманите диманш"). Все же, в конце концов, команду факультета безбожно засудили, не только остудив наш пыл, но и отбив всякую охоту к дальнейшему остролюбию. В это же время тихо пошел в бозе и первый всесоюзный КВН. Причина во всей стране была одна и та же. Пришел конец шестидесятых. Уже грохотали сапоги на улицах Праги. Все опять переходило на эзопов язык.

Песни Булата Окуджавы пришлись как нельзя вовремя, появившись как отдушина и глоток свежего воздуха в атмосфере начинавшегося нового славословия и парадности, еще проникнутые романтикой революционной эпохи, но таившие в себе столько скрытого нравственного смысла, помогавшего противостоять все более отвращающей

действительности, что не поддаться их обаянию уже оперившимся будущим интеллектуалам не было никакой возможности. Их автора полюбили сразу. Это было время битломании. Ее волна через множество препон только докатилась до нас, в то время, как "ливерпульской четверке", уже успевшей устать от бремени славы, оставалось быть вместе лишь несколько ме-

сяцев. Но если в поклонении песням "Битлз" было больше от моды и желания не прослыть серостью в глазах своих друзей и знакомых, то Окуджаву был для души.

Еще мы не знали его в лицо, еще не слышали большинства его шедевров, еще не вышли его первые пластинки, но почти мгновенно запомнив с многократно переписанных магнитофонных катушек многие его песни, распевали их на всех студенческих вечеринках, в стройотряде, со сцены и даже просто на улице. Его песни, ко всему прочему, были еще и очень демократичны, приближаясь во многом к народным. Их можно было петь любым количеством голосов.

Нас не удивляли ни его странные, не русские имя и фамилия, ни манера исполнения: все было очень естественно, ибо главное заключалось в том, о чем он пел. Да и разве могли играть какую-то роль его паспортные данные, если этот "грузин московского разлива", как он сам себя называл, сделал для становления умонастроения в русскоязычной среде больше, чем многие тогдашние и нынешние патриоты вместе взятые. Он не кричал и не бил себя в грудь, никому не навязывал свои идеалы. Его называли ненавязчивой совестью эпохи, подразумевая оказываемое им опосредованное влияние на самосознание если не всей нации, то уж интеллигенции точно, возвысившего нас до понимания общечеловеческих ценностей.

Когда потом о Булате Окуджаве стало известно многое, не переставало смущать, что иногда слова в его песнях одни, а в напечатанных текстах — другие. Только потом пришла догадка — это была цензура. Хотя его трудно было уличить в крамоле против власти, криминалом уже было направленно поклонение человеческой личности в его стихах, песнях, а затем

и прозе. А он никогда не изменял себе.

Прошел конец шестидесятых, наступили другие времена, сменилась эпоха, эпоха становления новой культуры, одним из столпов которой и стал Окуджаву. Постепенно уходила культура тоталитарная, являлась культура личностная. Его абсолютная убежденность, как и всех шестидесятников, что мир можно переделать, если сделать человека добрее и лучше, чем-то была сродни христианской морали, новым миссионерством. Недаром одно из его самых значительных по силе воздействия произведений так и называется "Молитва Франсуа Вийона".

Вообще, многое, как ни странно, во всем том времени, которое мы называли построением коммунизма, было идеалистическим, как и во всей семидесятилетней эпохе, из которой поколение шестидесятников так до конца и не вышло. Ее атавизм поэтому так ярко проявился в 80-х годах, когда это поколение и воспринявшие их идеи люди пришли к власти, но так и не предприняли решительных шагов, ограничившись полумерами, став могильщиками тоталитарного режима, но сохранив многие его пороки. Недаром сподвижник Окуджавы поэт А. Вознесенский назвал затем девяностые годы эхом шестидесятых.

Булат Окуджаву, как и вся плеяда его ныне знаменитых друзей-шестидесятников, стал предтечей нынешних перемен. Покинув этот мир, он оставил нам свои трогательно искренние и в то же время непреходяще значимые отражением своего противоречивого времени завещания — своеобразный наказ любви и доброты, которым был верен всю свою жизнь... до конца.

КОНСТАНТИН ПОПОВ. ДВА ВЕЛИКИХ СЛОВА

Не пугайся слова "кровь" —
Кровь, она всегда прекрасна,
Кровь ярка, красна и страстна,
"Кровь" рифмуется с "любовь".

Этой рифмы древний лад,
Разве ты не клялся ею,
Самой малостью своею,
Чем богат и не богат?

Жар ее неотвратим...
Разве ею ты не клялся
В миг, когда один остался
С вражеской пулей на один?

И когда упал в бою,
Эти два великих слова,
Словно красный лебедь, снова
Прокричали песнь твою.

И когда пропал в краю
Вечных зим,
Песчинка словно,
Эти два великих слова
Прокричали песнь твою.

Мир качнулся.
Но опять
В стуже, пламени и бездне
Эти два великих песни
Слились так, что не разнять.

И не верь ты докторам,
Что для улучшения крови
Килограмм сырой моркови
Нужно кушать по утрам.
Б. ОКУДЖАВА.

Литературное Собединение

Благослови, Господь, на все дела.
Ты принял смерть за нас, как искупленье,
И пусть в земле сгниют наши тела,
Но в наши души ты вселил прозренье.

Стучался дьявол в лбы, как в ворота,
Гримасу злобы обретали лица,
Но понял я — все это суета —
И смерть принять легко — трудней родиться.

Прожить земной, такой короткий век
И на соблазны мира не поддаваться.
Благослови, Господь, я человек,
И человеком здесь хочу остаться.

А если согрешу, что ж, твой черед,
Из-под плиты я вылезу могильной,
Пойду туда, куда меня пошлет
Отец и Сын и Дух святой всеильный.
Ад или рай, уж там, браток, держись.
Шепчу себе, склонясь перед распятым:
Благослови, Господь, меня на жизнь
И я найду достойное занятие.

Стараться буду и из кожи лезть,
Чтоб жить без страха и без сожаленья.
Я к вечной жизни подготовлюсь здесь.
Благослови, Господь, мой день рожденья.
А. КОЛМАКОВ.

ВЕТРЕННЫЕ МЫСЛИ

Телереклама наша сочна,
Умна, заманчива и точна,
И зримой логикой обильна,
И не груба,
И не субтильна,
И не злобна,
И не глумлива,
И в чем-то чуточку игрива,
И так берет за душу прямо,
Что сам хотел бы стать рекламой...
Но сердце боль терзает всяко,
Что я не кот и не собака:
На сбалансированном корме.
В России псы —
В отличной форме.

БАЛАГУРИКИ

Находят ум у дурака,
Коль у того в верхах —
"Рука".
Где избылие дебатов,
Там далеко
до результатов.
Нулями быть нам
нет резона,
Да без нулей нет миллиона.

Что такое беспредел?
Это власти —
Не у дел.
Правдолюбие всюду
не в моде.
Правдолюб —
Как полынь в огороде.

В. ФИЛОНОВ.

В МОЕМ РЮКЗАКЕ

Посвящается светлой памяти друга детства,
пропавшему без вести Агронскому М. А.

Несу, не сгибаясь, три четверти века:
Леньки и годочки в моем рюкзаке —
В нем все, что от Бога дано человеку,
Привал мой, надеюсь, еще вдалеке...
В моем рюкзаке — все от точки до точки,
Мелькают из прошлого кадры в очах:
Сапожным стучит мой отец молоточком,
А мать беспокоит домашний очаг...
Спелу мыльным я вдоль улицы Красной:
За церковью школа, там первый мой класс.
Мальчишески драки, видать, не напрасно —
Готовила жизнь к сражениям нас...
И годы текли вместе с тихой Карною...
А юность споткнулась, свалилась в овраг:
Судьба нас клеймила проклятой войною,
Она не сулила нам жизненных благ.
В моем рюкзаке и печали, и радость,
Подъемы и спуски, снега и дожди,
Рожденье детей и внучат — нам награда,
Солдатам дороже, чем блеск на груди.
Спасибо тебе, Мать-земля и Всевышний,
Что силы даешь идти с рюкзаком.
Что в жизни земной для людей я не лишний,
Спасибо судьбе. И кончаю на том!

Борис ЮДИН.

МАТЕРИ

В бороздках сухонькие руки, Одним дыханием
В глазах вся прожитая жизнь, Простишь!
Прости онибки и разлуки... **М. ВОЛИКОВ.**

МОЯ МОЛИТВА

Ты оставь меня, тревога,
Дай душе моей покой,
Со слезой молю я Бога,
Чтоб не быть мне сиротой.

Чтоб страдание
не снилось
И не грезить наяву,
Я прошу тебя,
Всевышний,
Отведи мою беду.

Бог, пошли мне утешенье,
Ведь должна
молитва быть.
Ты услышь мое моленье,
Трудно мне так
в скорби жить.
В. ГАЛКИНА.

